

С. С.
ЮШКЕВИЧ

Избранное



Семен Соломонович Юшкевич

Как живет и работает

Семен Юшкевич

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=662735

С. С. Юшкевич. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

Шуточное авто-интервью С.Юшкевича было напечатано в 1926 году в Париже в «Иллюстрированной России».

Семен Соломонович Юшкевич

Как живет и работает Семен Юшкевич

...Пришел ко мне интервьюер. Этаким худой малый, с глазами, как гвозди. Оговариваюсь, образ этот я взял у Михайловского. У него была дама с глазами, как гвозди, а тут интервьюер. Ну-с, хорошо. Пришел, представился: Пронин, Виктор Иванович, из «Иллюстрированной России».

– Очень рад, чем могу служить?

– Как изволите жить и работать?

Я – отнекиваться.

– Куда там? Мирон Петрович... интересы журнала... сам Бунин, Иван Алексеевич дал показание, как живет и работает...

– Да, по правде сказать, я и сам не знаю, как живу и работаю...

– Ну, вот, – не знаете. Как же это так?

– Так и не знаю, не замечал – у меня дела поважнее этого...

– Но Бунин, Иван Алексеевич, Куприн, Александр Иванович... несравненная Теффи...

– Убедительно. Что же однако надо сказать?..

– Что хотите, – обрадовался Виктор Иванович, – только, чтобы повеселее.

– Как это – повеселее, я не Марк Твен.

– А вы попробуйте. Самое пустое дело. Вот, например, французский писатель. Продиктует такое изящное «как живет и работает», что читатель пальчики будет облизывать. Русский писатель бука. Почему? Да не хочу. Да зачем?..

– Вы что же это? Ругаться пришли?

– И в помыслах не было. Просто – наблюдение мое. И, кроме того, в интересах журнала... Принесешь редактору не то, что нужно, заскрипит передними зубами и от злости интервьюшную бумажку съест...

– Часто он так, – спросил я...

– Всегда, – храбро солгал Виктор Иванович...

– Ну, если так... то берите карандаш и пишите... хотя, право, я не знаю...

– Ничего не надо знать, – подхватил Пронин, – просто расскажите весело, как живете и работаете. Например, – вдохновенно стал он подсказывать, вонзив в меня свои гвозди, – что обыкновенно вы свой день начинаете с того, что надеваете филактерии¹ и совершаете в них утреннюю молитву. Очень пикантно. Писатель в филактериях. Можно приба-

¹ *Филактерии*, коробки, подвязываемые евреями во время молитвы на лбу и на лев. руке, и содерж. пергаментн. листки с текстом молитв (Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). – *Ред.*

вить, – продолжал он фантазировать, – что молитвенник у вас старинный, оставленный вам в наследство покойной бабушкой...

– Вздор, – запротестовал я, – что за чепуха... И филактерии... Нет, не желаю...

– Что вам мешает, – стал он убеждать меня. – И оригинально и весело. Одно название, филактерии, гарантирует успех... Мирон Петрович... интересы журнала...

– Ну, – сказал я, – если интересы журнала этого требуют – валяйте филактерии...

– Очень, очень, требуют, – обрадовался мой мучитель. – Теперь дальше, – вдохновенно произнес он...

– Я с удовольствием замечаю, что у вас разыгрывается воображение...

– Профессиональная привычка, – скромно ответил Виктор Иванович. – У меня талант оживлять трупы. Однако, простите, будем продолжать. Я, правда, несколько назойлив, но что прикажете делать? Уж такая профессия... Итак, – начал он записывать, – сняв филактерии, известный писатель отправляется в столовую чай пить. Там его встречает верная подруга жизни, которую он целует в лоб, после чего садится в кресло. Дочь писателя, прелестная брюнетка, тотчас подает ему свежий номер «Иллюстрированной России», и писатель погружается в чтение детской странички Саши Черного.

– Не правда ли, восхитительно? – сказал Виктор Иванович. – Замечательная психологическая черта и трогательно.

Филактерии и детская страничка. Успех гарантирован.

– Превосходно, – отозвался я. – Дальше. Что я делаю, или должен делать?

– Разве само собой не ясно? – удивился Виктор Иванович. – Вы, напившись чаю, запечатлеваете на лбу подружки жизни поцелуй. Прелестная брюнетка дочь, взяв вас нежно под руку, уводит в кабинет и говорит: Дорогой папочка, смотри, работай хорошо. Помни, что на тебя устремлены глаза тех немногих, прекрасных писателей, которые невольно оставили нашу дорогую родину, Россию. Если ты плохо напишешь, все они будут ужасно огорчены...

– Ну, это уже слишком, – запротестовал я, – никто не поверит...

– Не только поверят, но и одобрят такую дочь... Вы нашего читателя не знаете... Мелодраматическая сценка действует на него освежающе. И притом, многозначительный намек: единение. Единение здесь свалить большевиков.

– А большевики при чем? Вычеркните...

– Могу. Итак – дальше. «Живет» есть. Теперь, как работает? В самом деле, – вдруг полюбопытствовал Виктор Иванович, – как вы работаете?

– С горчичником на затылке, – не задумываясь, ответил я. Виктор Иванович испуганно вытаращил глаза...

– Неужели, – воскликнул он, – с горчичником?

– Ну, да, с горчичником, что вас удивляет? А как иначе прикажете работать? Писателю нужен, спрошу я вас, прилив

крови к мозжечку? У каждого писателя есть свой способ наполнять мозжечок столь нужной в часы творчества кровью. Иные ставят ноги в ванночку с ледяной водой. Я предпочитаю горчичник: вернее...

– Вы в самом деле? – стал корчиться проныра. – Да нет, вы шутите, вы мистифицируете.

– Нисколько, – твердо ответил я. – Хотите, я сейчас продемонстрирую перед вами, как я накладываю горчичник на затылок. Но не рассердитесь, если я сейчас же начну писать... Придется прервать наш сеанс...

– Нет, нет, – стал он меня умолять, – я вам верю. Посмею ли усомниться в ваших словах? Но это действительно интересно. Ужасно интересно. В первый раз мне приходится слышать об этом. И помогает творчеству?

– На написание моей пьесы «Комедия брака» ушло двадцать горчичников...

– Поразительно, – ахнул Виктор Иванович, – никогда бы не поверил, если бы другой сказал.

– Сам бы не поверил, но приходится верить...

– Я представляю себе, как ахнет читатель, когда узнает, что вы на «Комедию брака» употребили такое зверское количество горчичников. А уж как рад будет Мирон Петрович...

– Да, – небрежно заметил я, – горчичники получше ваших филактерий.

– Признаюсь, вы правы... Это прямо сенсация... Ну-с, будем дальше писать...

– Б-г с вами, – сказал я, – куда еще дальше? Подумайте: филактерии, сцена в столовой, прелестная брюнетка дочь, ее напутствие папочке, горчичники... Только черта в ступе не хватает... Впрочем, прибавьте, что писатель на горе соседям просыпается ночью и вдохновенно часами играет Бетховена на рояле.

– Ну-с, – сказал Виктор Иванович, прибавив последнюю деталь, – ваш «как живет и работает» вышел у нас на славу. Воображаю, сколько теперь людей начнут ставить себе горчичники на затылок, чтобы выйти в писатели. Затем, это чудесное сплетение были и небылицы... Мирон Петрович будет в восторге... Еще один маленький вопрос и я откланяюсь. У меня есть приятель, – его, понимаете ли, одолевают муки творчества. Не откроете ли вы мне, какой фирмы горчичники вы употребляете? Очень хотелось бы ему помочь...

– Нет, – твердо сказал я, – простите, но этого секрета я никому не могу открыть. Спросите Куприна, Бунина, Мережковского, Гиппиус, – я заранее уверен, что никто из них не откроет секрета своего творчества. Под пыткой не выдадут. Так и я. Ну, прощайте...

– Прощайте, – вздохнул Виктор Иванович. – А все-таки хорошее «как живет и работает» мы соорудили. Понимаете... интересы журнала... Имею честь кланяться...